

Нарине Эйрамджянц

Ереван, размытые тени

I

Нарине Эйрамджянц Ереван, размытые тени I

<https://litres.ru/74109251>

SelfPub; 2026

Аннотация

Личные воспоминания о Ереване девяностых. Про блокаду тут очень мало. В основном это просто образы людей, которых я знала тогда, а возможно знали и вы.

Содержание

Глава	4
Пара строк вначале	5
Блокада и Чертово Колесо	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Нарине Эйрамджянц Ереван, размытые тени I

Глава

Ереван, размытые тени I

Пара строк вначале

Я давно хотела записать свои воспоминания. Придумывала название, какой-то сюжет, какой-то общий смысл. А они всплывали и всплывали в голове, как отдельные острова. И я решила просто все записать. Эссе “Блокада и Чертово Колесо” это общий итог моих личных девяностых, обобщение этого важного времени. А все что после - коротенькие истории, которые складываются для меня в Ереван. Правда, не все. Остальные я запишу потом. Но не буду сильно затягивать, потому что уже сейчас эти образы как размытые тени и я спешу рассказать, чтобы они не исчезли навсегда.

Блокада и Чертово Колесо

Ереван, депрессия, безысходность. В те годы я познала Средневековье. Его нельзя постичь умом. Только пережить. Я пережила. Сначала остановилось время. Ну как остановилось, на самом деле оно текло, но боже как медленно! Как застыло. Кстати, в те годы "Боже" стали писать с заглавной.

Итак, в Ереване все исчезло: транспорт, центральное отопление, электричество. Впрочем, это просто слова. В реальности это были темные, темные улицы и темные, темные комнаты в домах. Город никуда не спешил. Когда наступала осень в стране просто закрывали школы и учреждения. Особо упертые умудрялись приходить на работу пешком. Но даже если этого не делать никто не заругает, а в конце времени можно будет приехать за зарплатой. Ее обычно хватало на блок сигарет. Находиться дома было невыносимо. День начинался с рассветом, заканчивался с закатом. И вот спустя годы я ненавижу тех, кто призывает к естественным ритмам жизни. Они никогда так жить не будут. А я жила.

Было невыносимо без информации. Я превращалась в того самого французского крестьянина, который за всю жизнь получал столько новостей, сколько мы в прошлом за неделю.

И вот этот крестьянин - я. Бабуля при жизни как-то спросила, буду ли я навещать ее могилу. Кладбище Тохмах далеко. Но полдороги можно проехать на метро. А как идти дальше я, кажется, помню. Идея пугает меня и завораживает. И вот я вышла из метро и иду. Надо долго идти до парка Комсомола, а потом по проезжей дороге. Всегда хотела выйти из машины, когда приезжали с папой и осмотреться. И вот - иду пешком. Над квадратной ямой пруда, из которого спустили воду высится Чертово Колесо. У него отошла спица. Вместе с кабинками. Колесо превратилось в Спиральку. Чертову Спиральку над пустым прудом. Он, оказывается очень глубокий. Впрочем, какая разница. Сейчас в нем можно разбиться, но не утонуть. Понуро иду к кладбищу.

Какой интересный район! Он весь из маленьких частных домов с толстыми стенами и ладными воротами. Как иной мир. У ворот течет река. Берега ее в разбитом бетонном бортике. Он причудливый, в полусферах. Бац! Бац! Бац! Я же помню его целеньким! О боги... Сто лет назад в исчезнувшем Ереване... мне очень мало лет. Родители в отъезде. Я у бабушки. И вот как-то раз мы куда-то поехали. Бабушка, дед, сестра бабушки с мужем. Мы приехали в очень интересное и непонятное место. Мне странно и интересно, но никто не отвечает на мои вопросы.

Бабуля жжет крошечный костерок и мы по очереди кида-

ем куда какие-то желтенькие камушки. От них идет очень вкусный запах. На черном камне белый овал с женским портретом. Я почему-то знаю, что это моя прабабка Сирануш.

Что это за место? Что? Что? Никто не отвечает. Давайте тут погуляем! Тут нельзя гулять. Я смотрю на ряды камней, чувствую, что тут тайна и никак не могу ее нащупать. Теперь на том самом черном камне уже давно нет белого овала. Портрет прабабки перенесен на гранитную панель. Там два портрета, прабабка с прадедом. И тут как в тумане всплывает мужчина в очках. И вид из окна. Вид из окна и этот человек в очках. Как в тумане. За окном черный фонтан. А я думала, что мне это приснилось. Это был прадед.

Я пришла без цветов. Ну, поубираю. Как тут убирать? Начинаю хоть как. Вспоминаю, как однажды мы приехали с папой, дядей и бабушкой. Это был летний день. Всюду росли дикие цветы и летали насекомые. И все яркое, красивое. Синие колокольчики, такая редкость. Природа вокруг гудела и сияла. Я быстро набрала букет. Папа улыбнулся и сказал, что домой это брать нельзя. Я очень огорчилась. Он сказал, что ладно, срывай, но домой брать нельзя. Я еще посрывала. Потом мы подошли к этому самому бортику у реки, еще целенькому и красивому. Я кинула цветы реке.

И вот я тут одна.

Мне 19. Может, наконец, погулять тут? Но от прогулки мне становится дурно. Мне вообще дурно. Мимо Чертовой Спирали я иду с закрытыми глазами, чтобы только ее не ви-

деть. Гигантская карусель, которая когда-то радовала, а теперь возвышается, разрушенная, над пустой ямой глубокого пруда. Или бывшего пруда? В стране больше нет электричества, а в пруду нет воды. И вдруг уже никогда не будет?

Город умирает. Каждый выживает, как может. Я часами брожу по улицам. Иногда какие-то неприятные типы спрашивают время. Иногда я отправляюсь в район, где родилась. Это другой край города. Третий участок. Тут все другое, даже небо и я не понимаю, почему. Наверное мне кажется. Я смотрю на здание рынка, на сталинки с прекрасными фасадами вокруг него. Все такое серое. Пара прохожих, почти нет машин. Я вспоминаю, как тут было раньше. Все залито солнцем и людьми, все журчит, пахнет бензином и фруктами. А сейчас вокруг запах такой, как и во всем Ереване. Это запах дров, керосина, сухого спирта. Может, все дело в запахе? Я не знаю. Третий участок не похож на другие районы Еревана, не похож сам на себя десятилетней давности. Я иду к школе, в которой работала бабуля. Спилили ее деревья или нет? Она с учениками высадила сад вокруг школы и кусты шиповника. Кусты на месте. А деревья спилены не все. Отлично. А то вместо деревьев, которые сажал дед во дворе с папой и дядей теперь гаражи. А я наблюдала, как эти тополя и яблони становились выше, выше, выше. Однажды, когда зацвела черешня, жена дяди показала, что можно пройтись под ветками и выйти из-под кроны с цветочками в волосах. А потом началась блокада и замерло время.

Иду в наши переулки. Какое тут все-таки все другое.

Собственные дома, пятиэтажки. Пекарня, хлебный. Почему тут собственные дома и вообще что тут было раньше? До СССР? Никто не знает, в книжках не написано. Еду домой какая-то спокойная.

Мне 25. Я в какой-то непонятной компании у того самого пруда. В нем полно воды. Колесо обозрения снесли. Какой-то парень прыгает в воду. Все спокойно за ним наблюдают. Кажется, только я знаю, как тут глубоко. А он плывет от берега к берегу. Скоро судьба уберет меня из Еревана, как корова языком слижет. И уеду я, проезжая мимо Тохмаха. И начнется, начнется трудное время моей жизни, когда я буду бежать по своему пути, закрыв глаза и крича от ужаса. И нигде, нигде не будет выхода. Еду. Из окна Тохмах. Теперь там еще и папа.

Мне 27. В Ереване я проездом из Москвы. Мы стоим с кузеном напротив того самого рынка, ждем маршрутки. Темно. "Ты замечал, какие тут красивые рельефы?" - "Да. По всему проспекту. Прямо как на площади". О, он тоже заметил. Брат не дал мне спуститься в подземку и мы перешли дорогу поверху. Я хотела посмотреть, сохранилась ли мраморная мозаика. Там была на стене. С геометрическим угловатым солнцем в центре. Ну ладно. Больше ничего не помню. Вся поездка как дурной сон.

Мне что-то за тридцать. В Ереван я приехала от тоски. Ехала себе в Москве на маршрутке и вдруг поняла, что ищу глазами горы на горизонте. И вот я тут, пью глазами каждый камень.

По дороге в Тохмах стараюсь не смотреть в сторону пруда. Он каждый раз приносит в мою жизнь какую-то чернуху. Как он это делает, этот проклятый пруд? Хорошо, хоть колесо обозрения снесли. И куда с него смотреть, на кладбище, что ли? На обратном пути смотрю на дорогу и не понимаю, как я прошла пешком такое расстояние? И сколько у меня ушло на это времени?

А центр города полон весенних цветочных запахов. Цветы и молотый кофе по всему городу. Туф теплый от солнца. Весь центр Еревана перекроен. Новые улицы, в которые старые знакомые дома как-то очень странно вливаются. Я ловлю себя на том, что хожу по этим новым улицам, а воспринимаю пространство еще то, старое знакомое. И когда из-за очередного поворота выныривает очередное знакомое здание, мне кажется, что я во сне. Ведь только во сне знакомое здание может выплыть в совершенно незнакомом месте.

Мне хорошо за сорок. Я специально не беру такси, хотя стоит оно в Ереване копейки. Еду на метро, чтобы долго идти пешком. Какой же он красивый, мой родной проспект! Весь в рельефах. Весь в туфе. Теперь-то я знаю, почему этот отда-

ленный район так добротнo отстроен. Он носил имя Сталина. А маленькие собственные дома - это дома репатриантов. Им разрешали такое. Я иду и впитываю в себя солнце Третьего участка и треснутый асфальт. Он, наверное нравится только мне. Потрескавшаяся от жары желтая почва и треснувший асфальт, и краник оросительной трубы, из которого капает вода. Все как сорок лет назад. Даже пыльный воробушек, который пытается пить из крана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.